

Культура

«Страсти Христовы» выйдут в наш прокат только в Страстной четверг, 8 апреля, но весь мир сейчас живет ими. Живет и умирает

Виктор МАТИЗЕН

Сообщения о страстях, бушующих вокруг «Страстей», напоминают сводки боевых действий. Первыми на фильм обиделись голливудские продюсеры-евреи, пригрозившие лишить Гибсона работы за оголтелый антисемитизм. Затем оскорбился известный французский прокатчик Мартин Кармиц, отказавшийся показывать «Страсти» в своих кинотеатрах: по его мнению, картина превращает варварство и насилие в спектакль и показывает евреев такими же отвратительными, какими их показывали в фашистских пропагандистских фильмах. Лидер израильской религиозной партии ШАС Элияху Ишай заявил, что фильм является кровавым обвинением еврейского народа и стоит в одном ряду с легендами о том, что евреи для приготовления мацы используют кровь христианских младенцев. Группа американских еврейских активистов выразила озабоченность тем, что фильм обвиняет в смерти Христа еврейского первосвященника Каиафу вместо того, чтобы обвинить римлянина Пилата, и что в нем звучат слова, что Бог проклял евреев. Директор отдела по борьбе с нетерпимостью в Центре Симона Визентал Марк Вайцман высказал сожаление, что Гибсон выбрал самую худшую из возможных интерпретацию Страстей. Католические лидеры Германии сочли, что фильм использует страдания Христа для разжигания антисемитизма.

С другой стороны, фильм посмотрели десятки миллионов человек (сборы — при бюджете \$25 миллионов личных денег режиссера — приближаются к \$300 млн.). Среди них — большой круг еврейского народа Ясир Арафат, который не нашел в нем ничего антисемитского, и папа римский Иоанн Павел II, якобы сказавший после просмотра, что все так и было, а обвинение в смерти Христа католическая церковь с еврейского народа давно сняла. Сам Мел Гибсон еще за месяц до премьеры сообщил в радиоинтервью, что любит евреев и что чистокровная еврейка Майа Моргенштерн, играющая Деву Марию, не стала бы принимать участие в его фильме, если бы он был антисемитским. С третьей стороны, высунулся престарелый отец режиссера Хаттон Гибсон, объявивший Холокост вымышленным если не полностью, то преимущественно.

Между тем в американском городе Вичито во время премьерного показа «Страстей Христовых» прямо в кинозале умерла 50-летняя Пегги Лоу, а в кинозале бразильского города Белу-Оризонти за несколько минут до конца сеанса скончался пресвитерианский пастор Жозе Жералду Суарес. А ранее на съемках молния чуть было не убила исполнителя роли Христа Джеймса Кэвизела, задев его ухо.

И, наконец, житель США, который три года назад ограбил банк, унеся около 150 000 долларов, после просмотра фильма сдался полиции.

Под влиянием такой волны противоречивых сведений идею о просмотре с большим предубеждением, но быстро уверяясь, что обвинения в антисемитизме не имеют под собой рациональных оснований. Режиссер вовсе не зачисляет в христубийцы весь

Иди и смотри

«Страсти Христовы». Режиссер Мел Гибсон. Авторы сценария: Бенедикт Фитцджеральд и Мел Гибсон. Оператор Калейб Дешанел. В ролях: Джеймс Кэвизел (Иисус), Майа Моргенштерн (Мария), Христо Живков (Иоанн), Франческо Де Вито (Петр), Моника Беллуччи (Магдалина), Маттиа Сбраджа (Каиафа), Тони Бертозелли (Анна), Лука Льяонелло (Иуда), Христо Наумов Шопов (Пилат), Лука Де Доминичис (Ирод), Педро Сарубби (Варавва), Серджо Рубини (Дисма), Розалинда Челентано (Сатана)

древнееврейский народ. Он показывает, что даже в синагоге в отношении к Христу не было единства — часть присутствовавших ушла с собрания в знак протеста против безобразного судьи. Он не забывает высмотреть в толпе фанатиков человеческие лица, наполненные состраданием к казнимому. Даже Каиафа, главный и неистовый гонитель Иисуса, и тот испытывает что-то вроде сожаления о содеянном. Более того, Гибсон подчеркивает, что мучили и распяли Христа не иудеи, а римские солдаты, причем с явно преувеличенной, прямо-таки садистской жестокостью, не вызванной ни приказом, ни их личным отношением к осужденному. Но даже если бы постановщик показал, что все древние евреи по всей стране вопили «Распи его!», причем тут евреи современные, которые ничем не виноваты в том, что натворили их предки две тысячи лет назад?

Идея кровной или коллективной вины, идея ответственности лично невиновного человека за деяния людей одной с ним веры, национальности или партии — одно из самых чудовищных и живучих представлений, сохраняющихся тысячелетиями, несмотря на христианские заповеди и развитие гражданского права. Конечно, в Евангелии от Матфея (гл. 27, стих 25) говорится: «И отвечая (Пилату), весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших», но слово «весь» здесь отражает всего лишь уровень сознания автора текста и соответствует реальности примерно так же, как слово «все» в выражениях «все бабы суки» и «все мужики кобели». В действительности Пилату, вероятно, отвечали лишь крикуны, собравшиеся перед его резиденцией. Другая часть евреев занималась своими делами, мало что зная о происходящем. Как пишет Лука (23,26), тот же Симон, которого заставили нести крест, возвращался «с поля». Третья часть сочувствовала мученику: «И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем» (Лука, 23,27).

Мел Гибсон, по его словам, пытался «почти документально» воссоздать последние 12 часов жизни Христа, исходя из четырех Евангелий и никак их не интерпретируя. Это — обычная иллюзия экранизатора. Евангелия — не божественные откровения, не записи с магнитофонной ленты, они написаны людьми, которые что-то путали, чего-то не знали, что-то передавали понаслышке. Воссоздать по этим обрывочным и частично противоречивым межуарам «документальную» картину случившегося просто невозможно. Гибсон и его соавтор Фитцджеральд

сскроили из четырех первоисточников единый текст, дописали недостающее и перенесли на пленку. При этом исчезло не только четырехголосье, но и знаменитая библейская краткость, оставляющая читателю простор для воображения.

«Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса бив предал на распятие» — сообщает Матфей о Пилате (27,26). Это лаконичное и неопределенное «бив» (по неосведомленности ведь можно решить, что прокуратор лично бил Иисуса!) разворачивается режиссером в длиннейшую экзекуцию, показанную со всеми домисленными подробностями — выбором плетей, жуткими рубцами на спине и дождевой пылью крови, оседающей на землю и на лица палачей. То, чему евангелисты не придают особого значения и что описывают одним словом, для Гибсона имеет первостепенную важность. Он демонстрирует муки Христа вовсе не из скрытого садизма, как предполагают иные отечественные рецензенты. Бесконечным, невыносимым показом пыток американский постановщик добивается того же, чего добивался русский режиссер Элем Климов в своем великом фильме «Иди и смотри», — внушает зрителям отвращение к насилию: жестокость в «Страстях Христовых» омерзительна, как в климовской ленте и как нигде более.

Поэтому запредельно глупо то, что пишут некоторые американские критики, — что Гибсон идет по стопам Тарантино, для которого брызги крови — как брызги шампанского. К бесконечному членовредительству в мире Тарантино относиться вполне спокойно, понимая, что все это понарошку, а в мире Гибсона его начинаешь ненавидеть. Как бы ни богохульствовал Христос с точки зрения ортодоксов — разве можно превращать человека за это в кусок окровавленного мяса?!

Односторонни, на мой взгляд, и многие другие нарекания в адрес фильма. То, что конкретизация евангельской истории лишила ее метафоричности — правда и неправда. «Образ Христа не раскрыт», — пишут журналисты, невольно уподобляясь учителям литературы. Да, не раскрыт, но,

знаете ли, его не удалось вполне раскрыть и за 2000 лет, не то что за 2 часа. Хотя в картине есть врезающиеся в память эпизоды, показывающие Иисуса с совершенно неожиданной и нетрадиционной стороны — например, тот, где он улыбается матери во всем блеске своей силы, красоты и молодости. А то, что Христос большую часть экранного времени подается как вполне абстрактное страдающее человеческое тело, вовсе не удаляет его от нас, а отождествляет с нами.

Точно так же внятен и второй послы «Страстей Христовых» — неприятие всякого фанатизма. То, что против Христа кликушествовали древние евреи, — факт, от которого не уйдешь, но чем эта одержимость отличается от одержимости средневековых христиан, требовавших сожжения ведьм, от одержимости советских людей, требовавших расстрелять оппозиционеров, «как бешеных собак», или от одержимости мусульманских ортодоксов, требовавших смерти Салмана Рушди?

Многозначительно то обстоятельство, что руки человека, прибывающего на экране ладони Христа к переключению, принадлежат режиссеру, лицо которого остается за кадром. Этим символическим жестом Гибсон не просто снимает вину с других, но переключает ее на себя, призывая нас последовать его примеру и признать себя ответственными за смерть всечеловека. Только в таком личном и метафизическом измерении и может существовать понятие коллективной вины. Не удержите от цитаты из Интернета: «На вопрос, кто же убил Иисуса, режиссер дал единственно правильный ответ. Он сказал: «Я». Каждый должен осознать тот страшный факт, что Иисуса из Назарета, Христа, царя иудейского, убили не евреи или римляне, не баптисты или православные, не пятидесятники или католики, не буддисты или кришнаиты, а КАЖДЫЙ из нас, в том числе я».

Тех, кто не может вынести двухчасового показа человеческих мук, можно понять. Столь «прямым кино» идет поперек законов нашей памяти, превращающей любую реальность в легенду. Муки Христа стали далекой абстракцией, и обратное ее приближение мучительно. С другой стороны, многие зрители чувствуют на просмотре примерно то же, что чувствовали бы, если бы их сильно согнали на действительную казнь. Даже бывалому кинокритику во многих сценах хочется нарушить свой профессиональный долг и закрыть глаза. Спасибо Гибсону за мои невольные слезы — в чем я, безбожник, ничуть не стесняюсь сознаться.